

1

Март

На подиум троллейбуса выходят
хранящие следы магнитной бури
в берегах, потерявших актуальность
на нервной почве нервные цветы.
Остроты, друг о друга ударяясь,
становятся тупыми голышами,
на лицах обострение веснушек
и выморочный отблеск немоты.

Троллейбус дышит – видимо, на ладан.
Я не поддамся этому шатанью –
давление не может пасть так низко!
Смотрю в окно – там праздник для детей.
Но Микки-Маус говорит не в рифму,
немного косо, и штаны сползают –
а дети наблюдают терпеливо,
прощая взрослым дикость их затей.

Под крышами – сосулек ксилофоны.
Всё зыбко, ненадёжно, даже небо
похоже на живую протоплазму
со спелостью молочно-восковой.
Дорога изогнулась бумерангом,
по жёлобу её протёк троллейбус.
А бумеранг летит – но он вернётся –
восьмой маршрут, я помню, кольцевой.

Станислав Ливинский:

Обилие ярких образов выдаёт в авторе человека с нестандартным, богатым воображением. Иногда, правда, эти образы настолько нестандартны и часты, что затемняют смысл. «Март» в стихотворении угадывается только в «ксилофонах сосулук», а «спелость протоплазмы» оказывается почему-то «молочно-восковой». Скорее всего, стихотворение стоило назвать «Троллейбус», а ещё лучше – не давать названия вовсе.

Михаил Рантович:

Как следует из заглавия, это тяжеловесное стихотворение, по-видимому, должно передавать некое весеннее ощущение. Добраться до него, однако, крайне трудно. Да и само ощущение, кажется, не слишком значительно, а потому замаскировано усложнёнными, неясными образами, среди которых возникает такая ложная красота, как «сосулек ксилофоны». В финале и вовсе путаешься, не находишь точки опоры: что здесь бумеранг, что движется, а что статично – понять не представляется возможным.

2

Театр

весь мир театр похожий на тюрьму –
и по старинке я в одной из худших
где славно сомерсету моэму
гаданье ладить на кофейной гуще

когда в дали звучит виолончель –
вибрацией пространства и отростков
в бездомной тьме египетских ночей
и в синем небе медных купоросов

покуда действо длится наугад –
ходатаи таят ходы и даты
и то чего не знает цифер блат
и то чему я буду соглядатай

Станислав Ливинский:

Экспрессионистское стихотворение. Такие находки, как разделение слов – «цифер блат» или наделение их вторым смыслом «моэму (моему)». Немного режут слух прилагательные, работающие, как кажется, вхолостую – «бездомная тьма», «синее небо». Сама смысловая конструкция стихотворения достаточно сложна и театр без подсказки в названии угадывается не сразу.

Михаил Рантович:

Намеченный в стихотворении разговор о мире и его свойствах оборачивается всего лишь детской игрой. Её беспомощность и безнадёжность приходится прикрывать цитатностью и

разложением слов на составные части. Добраться до каких-то смыслов автор пытается действительно наугад. Стихотворение оказывается слишком мало, чтобы вместить в себя мироздание.

3

* * *

сначала как бы работаешь на зачётку
потом беспокойно считаешь свои минутки
какая там тётка, ни разу вообще не тётка
останется вечно пьяная институтка

останутся эти глупости и проказы
какие артриты, какие ещё циррозы
какое там время, не время вообще ни разу
растают снега, вслед за этим начнутся грозы

никто никогда в ночи не погасит лампу
пусть в небе несутся как звёзды ракеты-трюмпы
а снизу поют ей ангелы дифирамбы
а снизу ей машут, а снизу встречают толпы

она выходила из золотого лифта
походкою космос взявшего космонавта
лучилась словно гагарины на открытках
казалась живой, но и это была неправда

Станислав Ливинский:

Достаточно простые и прозрачные стихи, но написаны они так, что трогают своей простотой и одновременно сложностью. Через них сразу просвечивает лирическая героиня со своим личным внутренним миром и нашим общим внешним.

Михаил Рантович:

Своими зыбкими, неустойчивыми ритмом и интонацией стихотворение хорошо передаёт тревогу, неприютность и то ощущение, что даже обилие позитивных событий не искупает человеческого одиночества. Вместе с тем в признании, что «и это была неправда», есть нечто примиряющее, эта честность позволяет человеку сохранить чувство собственного достоинства в мире кажимостей.

4

* * *

Вот – снова лютя. Будто бы пыльца
Пронизывает тёмные проулки.
Вдыхаю. Берегу. Моя шкатулка
Для одного и тайного кольца.

Для одного и тайного бойца,
Который рвётся к жизни оголтело,
Он перепачкан кровью, дымом, мелом,
Но он умеет ждать, желать, мерцать!

Лица не вижу. Вижу, как рука
Срывает простыню с бедра. Вот – грохот
Снаружи. Топот, ропот, рокот,
И гравировка спуска и курка,

И порох бесполезный, и медаль...
И нимфа обнимает рукомойник...
Крошится звук: то пенё колокольни,
Сгорают колокол, преобразуясь в гарь...

И снова — лютя. Тень от сундука...
И кружево... И профили с камеи...
И Мерджелины сонной пламенеет
Щека.

Станислав Ливинский:

Неплохие лирические стихи, немного смущает изобилие крупных планов, заслоняющих общую картину, хотя, может быть, этим приёмом автор пытается достичь необходимой ему динамики и драматизма. И хотелось, чтобы к жизни рвались не «оголтело», а как-то по другому.

Михаил Рантович:

Немного слишком пёстрая словесная мозаика, не вполне складывающаяся в отчётливую картинку. Стихотворение передаёт скорее состояние, эмоцию, чем стремится быть оформленным высказыванием. Голос убедительный, хотя местами (особенно во второй строфе) он будто срывается.

Повестка дня отмечена апрелем.
Насущной данностью вменяется в вину
всеобщей слякоти – запараллелен
цветень, связующий грозу

и радость обновления. Створожен
подлиповых аллей клубящий пух.
И с чистой совестью благонадежит
прокинутый по нитке слух:

рукой подать – апрель уступит маю
в порядке очереди календарный разворот –
уже не новый, пожелтельй с краю.
Увещеваньем споро заклянёт

движение весны с наклонности на ровность
апрель, решающий проблему наготы.
И выполняются по правилам топорно
нелепости куриной слепоты

с отцовским указанием на свежесть,
напропалую ринувшей ва-банк.
И месяц, льнущий к маю, безутешен,
агонизируя нахлынувшему в такт.

Станислав Ливинский:

К сожалению, текст больше
напоминает не стихи, а формулу или даже
заклинание, где количество витиевато
составленных фраз лишь умножает
бессмыслицу, а ведь речь идёт всего лишь
о втором весеннем месяце апреле.

Михаил Рантович:

Ещё одно весеннее стихотворение. Всё,
к чему стремится автор, — это, кажется,
как можно более витиевато описать
обыденные явления и блеснуть словарём.
Вряд ли сто́ит прилагать такие большие
усилия для выражения простейших
вещей.

* * *

ей нет семи
зато она сама
наденет куртку шапку шарф
сама
завяжет на ботиночках шнурки
возьмёт лопаточку
и красное ведёрко
на улицу гулять пойдёт
во двор
двор огорожен двухэтажным домом
строительным забором жестяным
и двор обычно сер
но нынче день особый
она ведёрко заполняет снегом
относит высыпает и опять
ведёрко наполняет снегом
а снег идёт
идёт как белый кот соседский
бесшумный и пушистый
снег идёт
ей нет семи
и в первый день весны
она сама
гулять идёт

Станислав Ливинский:

Стихотворение абсолютная
противоположность предыдущему.
Почему-то сразу вспомнилась
«Некрасивая девочка» Заболоцкого, хотя
между ними не так много общего. Такие
мелочи, как «шнурки на ботиночках» (а
хотелось – шнурочки), не в счёт. Спасибо
автору.

Михаил Рантович:

Возможно, не будь стихотворение
намеренно прозаизировано, его
сосредоточенная скупость и позволила бы
разглядеть за пустыми, механическими
действиями девочки какое-то потайное
чувство. Но чувство это лишь слабо
сквозит, не позволяя его хорошо
разглядеть. Автор как будто понимает, что
избранные им средства недостаточны и
пытается дать подсказку инверсией в
последней строке, хотя прямой порядок
слов («идёт гулять») был бы не хуже.
Метафора «снег идёт как кот» слишком
неожиданна и тоже ничего не добавляет,
ничего не раскрывает.

...голубая мечта идиота –
реки, полные рыбьей икры;
если пятницу сменит суббота,
значит, лавочку стоит прикрыть,

запаять горьким оловом дверцу
в обрисованный шефом гештальт;
не хватайся за слабое сердце,
обойдя фонари, зубоскаль!

что красиво писать о природе
с точки зрения критиков – зло,
Тютчев скучен, а Фет старомоден,
время чистого слова прошло.

тарабань посложней, что придётся,
но не дай Бог, простым языком;
под унылым пергаментным солнцем
конформисты плывут косяком...

Станислав Ливинский:

Хотелось бы в стихах избегать таких слов, как «гештальт», найдя им простой, но достойный аналог. Закрывать дверцу на ключик или задвижку, а не запаивать оловом, пускай и горьким. А после фразы о скучности Тютчева и старомодности Фета услышать что-то типа «...Какое счастье — даже панорама/ Их недостатков, выстроенных в ряд!»

Михаил Рантович:

Несколько тёмное сначала, стихотворение в своей третьей строфе действительно выходит к «простоте языка» и ясности высказывания (которые противопоставляются сложному, тарабарскому изобилию). Возможно, не будь это поэзией о поэзии, но будь «чистым словом», ценность этого стихотворения была бы выше. Несмотря на приглушённые иронию и горечь, избранная тема кажется слишком лёгкой для поражения мишенью.

Девочка пьёт только чай из кленовых листьев,
Мечтает на службе скучной, ночует на облаках.
Сколько ей, – двадцать с лишним.,
а мне сколько двести., триста..?
Неумолима времени медленная река.

Девочка курит «Winston» и пишет стихи «vers libre»
Не бережёт здоровье: в такую-то жизнь играть!
Милые эти хлопоты, тонкие эти игры,
Мне в мои двести с лишним трудно уже понять.

Время допишет строчку, точку поставит время
В этом стихотворении, но в мимолётных снах
Хрупкость её запыля, лёгкость прикосновения
Я буду долго помнить, долго ещё вспоминать

Станислав Ливинский:

Лирическое стихотворение о любви, судя по тексту, не молодого уже человека или ещё молодого, но разочарованного. Ровное, даже убаюкивающее. Пожалуй, не к чему придираться, но и не за что похвалить.

Михаил Рантович:

У этого стихотворения подозрительно розоватый оттенок. Автор, вероятно, хочет скрыть его, усложняя структуру введением субъекта, от лица которого ведётся речь. Но весь неповоротливый инвентарь (чай из кленовых листьев, мечты, облака, верлибры и пр.) остаётся на месте. Интонация и манерные инверсии приводят на ум те неестественные позы, которые некоторые молодые девушки принимают, делая селфи. Самое неприемлемое в том, что стихотворение подлинными человеческими ценностями подменяет сентиментальными побрякушками.

Обострившимся зрением,
истосковавшись по лету,
различу сто оттенков
у спелого белого света,
разложу его спектром –
колоду сквозь призму пасьянса.
Не сойдётся, не жду –
свойство целого – непостоянство.

А холодный апрель –
как Адам, не вкусивший от древа.
Это белое солнце
пока никого не согрело,
Это белое облако
в белом простуженном небе,
в мёртвых молниях веток –
и не помышляет о хлебе.

Но фасолина сердца
апрелем уже прорастает.
Скоро иглы лучей
попадут в капилляры каштанов,
свяжут небо и землю
в единое сокодвиженье.
До смешного взволнована
этим известным сюжетом,

я сонеты сложу,
триолеты и кабриолеты,
безутешная радость во мне,
стосковавшись по лету,
по спирали души,
начав издали, робкой обмолвкой,
пробирается к центру
слепой патефонной иглкой.

Будем вместе искать –
и наверное, вместе обрящем.
Проследим, как пунктир электрички
растает за рощей.
Я останусь –
стареющим, нервным, живым настоящим.
Не хочу быть
красивым, фальшиво-изысканным прошлым...

Станислав Ливинский:

Опять же скажу об избытии образов и метафор, словно именно они и являются самоцелью, а вовсе не стихотворение. «Спелый свет», «колода спектром», «призма пасьянса» – многовато для трёх строк. И потом, даже если подобные метафоры уместны, это не отменяет их точности. Скажем, «молнии веток» не могут быть таковыми, имея чёрный цвет. Это скорее негатив молнии. Или «фасолина сердца» – фасоль больше походит на почки, а на сердце – свёкла. Да и вообще, сельскохозяйственный тон здесь не совсем уместен.

Михаил Рантович:

Автор этого стихотворения, кажется, не уяснил себе ясно то ощущение, которое он хочет выразить, и поэтому громоздит якобы поэтические образы и метафоры. И друг с другом они не сочетаются, и внутренне оказываются не слишком внятными и жизнеспособными («разложу колоду сквозь призму пасьянса», патефонная игла движется по спирали души). Прямоком из поэзии Северянина являются «триолеты и кабриолеты», но всё стихотворение написано без его энергии.

Редколлегия «Менестреля» объявляет номера авторов анонимной подборки из 12 выпуска журнала.

Автор стихотворения № 1 – Евгения Джен Баранова, № 2 – Мария Затонская, № 3 – Станислав Михайлов, № 4 – Евгения Джен Баранова, № 5 – Станислав Михайлов, № 6 и 7 – Юлия Шкуратова, № 8 – Лиана Алавердова, № 9 – Мария Затонская.